

Н. Г. ФОМИН

<«...Когда Александр Васильевич заснул, мы взяли его тужурку и пальто и нашли ему георгиевские ленточки»>

Одним из выдающихся моментов в жизни адмирала было награждение его офицерским Георгием, и вот глубоко мною уважаемый адмирал Б. П. Дудоров¹ в своей статье «Авиация Балтийского моря» допускает неточность в отношении времени и подвига, за который А. В. Колчак был награжден Георгием. Так как я был старшим флаг-офицером минной дивизии с января 1915 года по октябрь 1916 года, при всех временно командовавших дивизией и трех ее начальниках — Канине, Трухачеве и Колчаке (даже три последних месяца при М. А. Кедрове²), то я считаю себя обязанным внести поправку в это место статьи адмирала Дудорова.

Адмирал А. В. Колчак был награжден орденом Св. Георгия 4-й степени не за высадку у Домеснеса в сентябре 1915 года, а за бой на фланге нашей армии поздней осенью того же года, когда своевременное прибытие А. В. Колчака с кораблями спасло фланг армии от полного поражения и затем, когда через недели две доблестный начальник правофлангового участка армии полковник князь Меликов³ сам перешел в наступление нашей армией при поддержке артиллерией флота (единственной артиллерии, бывшей у Меликова), и была одержана победа, первая после великого и тяжелого отступления 1915 года. Наши войска отбросили немцев, вышли из линии расположения на болотах и отняли от немцев город Кеммерн, который и удержали в течение всей зимы. Неприятель понес большие потери, были захвачены пленные. Вот тогда же, на месте, после телеграфного донесения командарма о помощи Колчака армии, государь император личной телеграммой наградил Колчака орденом Св. Георгия 4-й степени. Этот эпизод, являющийся одним из славных дел нашего маленького флота, в котором с особой подчеркнутостью сказалось глубокое уважение и трогательная любовь, которую адмирал всегда питал к нашей много-страдальной — особенно тогда, в 1915 году — армии, заслуживает того, чтобы его описать подробнее. В свое время, лет 15 тому назад,

я в «Шанхайской заре» подробно описал этот случай. Тогда в памяти все было светлее, но, к несчастью, среди сохранившихся моих статей этой именно и не оказалось. Попробую сейчас восстановить хотя бы главные моменты.

Начались осенние штормы и даже пурги. Мы могли больше не беспокоиться за Ирбенский пролив, поэтому большая часть минной дивизии сосредоточивалась в гавани Рогекуль, в глубине Моонзунда. В Ирбене оставались только дозорные миноносцы. Четыре миноносца и, кажется, одна канонерская лодка стояли в Риге и выходили к флангу армии, когда сухопутное начальство этого требовало. На правом фланге армии, выходящем к берегу Финского залива у мыса Рагоцем в глубине Моонзунда, боевым участком командовал князь Меликов, командир 20-го драгунского Финляндского полка. В его подчинении состоял его полк и две ополченских дружины. Участок был более 20 верст протяжением. Сухопутной артиллерии у Меликова была одна 3-дюймовая полевая батарея, служившая еще во время японской войны и поэтому совершенно расстрелянная, и две 6-дюймовые пушки Канэ, которые ему строго было приказано держать не ближе 12 верст от линии пехотных окопов, т.е. когда они, по дальности боя, могли стрелять только в случае занятия этих окопов неприятелем. Снарядов было мало, как и везде на фронте. Меликов был чрезвычайно храбрый, бодрый и толковый человек. За время прежних операций, описанных Б. П. Дудоровым, он отлично изучил свойство и размер той помощи, которую ему мог бы оказывать флот своими дальнобойными пушками и очень бережно относился к нам, настаивая, чтобы мы всегда уходили в гавани, когда он чувствовал, что немцы ведут себя тихо.

В море против фланга армии стояла бочка, прикрытая возвышением мыса Рагоцем, на нее был выведен телефонный кабель и, стоило только встать на бочку и соединить телефон, как мы могли начинать говорить со штабом боевого участка, а оттуда шли телефоны в передовые окопы и на наблюдательные пункты, откуда корректировали нашу стрельбу. В вечер, когда началась операция, мы были на отдыхе в Рогекуле, а «Слава» стояла в Куйвасто, в 90 милях от позиций. Никаких сведений о боях на фронте не поступало, как вдруг поздно вечером на флагманский миноносец «Сибирский стрелок» из телефонной будки на клочке бумажки принесли никому не адресованную записку, переданную по телефону из Риги в Ревель, а из Ревеля, через службу связи, в Рогекуль. Карандашом, малограмотными каракулями телефониста было, как сейчас помню, написано: «Неприятель теснит, прошу флот на помощь. Меликов».

Вот тут-то и сказался характер Колчака. В море шторм, пурга. Очень трудно и днем выйти из Рогекуля узким каналом, обставлен-

ным вежами, а ночью и подавно. Ночью, в пургу, пройти Моонзундом крайне затруднительно, а выводить в такую погоду «Славу» из мешка в Шильдау в Рижском заливе было даже опасно. В Риге — четыре миноносца — 8 4-дюймовых орудий и одна канонерская лодка. От них никаких донесений не поступало.

Наверное, всякий другой начальник при таких обстоятельствах решил бы ожидать рассвета, а тем временем запросил бы наш отряд в Риге об обстановке.

Колчак загорячился: «Не такой человек Меликов, чтобы зря звать на помощь — выхожу немедленно со всеми силами, будь что будет». «Славе» послали радио: «Немедленно приготовиться к походу». 9-му дивизиону с Развозовым, бывшим в Куйвасто, приказано было вступить в охрану «Славе» и осветить ей выход. Восемь миноносцев, находившихся в Рогекуле, уже через полчаса вышли в Куйвасто. Начальнику группы миноносцев в Риге было послано радио: «Передайте немедленно Меликову, буду утром со «Славой» и миноносцами. Кап. 1 р. Колчак».

Мы вышли благополучно из Рогекуля, освещая вежи прожекторами, прошли плес и повернули по счислению на Моонский створ. Ни поворотного буя, ни створных маяков не было видно. Пурга усилилась. Шли вперед самым малым ходом. Течения в Моонзунде неопределенны, зависят от ветров. Нас отнесло к западу, и флагманский миноносец и два других сели на камни, правда, на самом малом ходу; остальные стали на якорь. Полтора часа продолжались безуспешные попытки сняться с камней. «Слава» донесла о готовности, и Колчак приказал ей немедленно идти полным ходом к Усть-Двинску. Внезапно улыбнулось счастье — прибыла вода и все миноносцы всплыли; одновременно разорвалась завеса пурги и мы увидели Вердерский маяк и створные огни. Дали 20 узлов и благополучно вышли в залив, где обогнали «Славу», шедшую 16-узловым ходом. Утром около 7-ми часов подошли к бочке, которую порядочно отнесло к востоку.

На мысе Рагоцем, прикрывающем нас от видимости 9-дюймовой батареи немцев, еще держались наши отрезанные части, но армия отступила. Из штаба Меликова начали поступать спокойные приказания: «Стрелять по цели в квадрате № ...» — «100 сажен южнее» — и т.д. Корабли стали на якорь на назначенных местах и началась усиленная стрельба залпами; после каждого залпа корректировка. На берегу гремит бой, бьет усиленно немецкая артиллерия, начинает слышаться ружейная и пулеметная стрельба, чего раньше никогда не случалось.

Меликов сообщает: «Неприятель ведет наступление на правом фланге, цепи выходят на берег, прошу обстрелять». Колчак посылает мелко-сидящие миноносцы 9-го дивизиона с 75-мм орудиями, единственными имеющими шрапнель. Развозов понимает приказание с полуслова.

9-й дивизион открывает ураганный огонь из своих 16-ти пушек. Немцы отогнаны, связь с Рагоцем восстановлена. Нас атакуют несколько раз немецкие аэропланы, но неудачно. Неприятельская батарея, очевидно руководствуясь фотографией, снятой аэропланами с рейда, сгоняет корабли со своих мест, кроме «Сибирского стрелка», которому нельзя уйти с телефонной бочки, но попаданий в нас нет.

Постепенно бой затихает. Наши войска, отступя немного, удержали позиции. Вечером Колчак съехал на берег, видится с Меликовым, возвращается радостный. «Удивительный человек Меликов», говорит он, «просит нас уходить домой, считает, что немцы понесли такие потери, что не скоро рискнут снова нас атаковать. Он совершенно в этом уверен и просит нас прийти через несколько дней, когда он сам перейдет в наступление для захвата города Кеммерн. Мы должны будем произвести артиллерийскую подготовку перед атакой». На берегу, действительно, воцарилась тишина и только аэропланы нас атаковывали. На другой день мы ушли, оставив очередную группу миноносцев для поддержки армии. Дней через 10 от старшего командира получено было радио о готовности армии к наступлению.

Погода на этот раз была тихая и ясная, и мы в полном комплекте опять пожаловали на старые места. На этот раз вместе с драгунами Меликова, всегда корректировавшими наш огонь, были посланы в окопы и наши артиллерийские офицеры, и была медленно, осторожно, по одному выстрелу произведена пристрелка по целям. Особенно важно было выбрать цели и пушки так, чтобы прикрыть всю линию атаки. Это и сделали наши артиллеристы, знавшие дальность каждого калибра и расположение стреляющих групп кораблей. 12-дюймовым пушкам «Славы» были даны бетонированные укрепления немцев. Колчак решил, что корабли ни при каких условиях не должны сходить с мест. Против аэропланов мы ничего не могли сделать, но немецкую батарею надо было снять. Для этого была назначена кан. лодка «Храбрый» (кап. 2 р. О. А. Щербачев 3-й⁴). Артиллерийская подготовка беглым огнем в течение пяти минут (24 4-дюймовыми полуавтоматическими пушками миноносцев, 2 6-дюймовыми пушками кан. лодки «Грозный», 16 75-мм орудиями Развозова и 6 6-дюймовыми и 4 12-дюймовыми орудиями «Славы») должна была начаться ровно в 8 часов утра по второй пушке с «Сибирского стрелка». «Храброму» было приказано выйти за Рагоцем и, находясь в сфере действия огня немецкой батареи, открыть по ней огонь. На «Храбром» были новые 130-мм орудия. Потом он должен был выходить из-под огня и снова возвращаться, дабы отвлечь на себя все внимание батареи. Дальность 9-дюймовой немецкой батареи и орудий «Храброго» была, по нашим расчетам, почти одинаковая.

Так все и случилось. «Храбрый» действовал блестяще. Минут за 10 до атаки он ушел от Рагоцема, затеял поединок с батареей и вел его непрерывно. Видно было, как немецкие снаряды падали около самого корабля, но попаданий не было.

Ровно в 8 часов флот открыл огонь по берегу. Все слилось в непрерывном грохоте. Через три минуты на моем столике (я обычно сам принимал все приказания с берега и передавал их на корабли) зазвучал телефон: «Стрельба блестяща, все бежит, переносите огонь на заградительный, дороги залиты кровью». Через некоторое время Меликов сообщает, что все назначенные позиции и сам город Кеммерн были заняты без выстрела — «немцы бежали так, что связь с ними в этот день была потеряна». В самых восторженных выражениях Меликов благодарил флот, подчеркивая, что корабли не обращали внимания на близкие попадания аэроплановых бомб и сумели обезвредить сильную неприятельскую батарею.

Вечером флот оставался на якоре, когда из Ставки Верховного Главнокомандующего была мною принята телефонограмма приблизительно такого содержания: «Передается по повелению Государя Императора: капитану 1 ранга Колчаку. Мне приятно было узнать из донесений командарма-12 о блестящей поддержке, оказанной армии кораблями под вашим командованием, приведших к победе наших войск и захвату важных позиций неприятеля. Я давно был осведомлен о доблестной вашей службе и многих подвигах. Применительно к статье... (была указана статья сухопутного статута о награждении артиллерии, способствующей своей стрельбой победе войск, будучи сам в сфере действующего огня неприятеля)... Георгиевского статута, награждаю вас Св. Георгием 4-й степени. Николай. Представьте достойных к награде».

Могу ли я теперь, через 33 года, спутать этот момент с каким-нибудь другим? Ночью, когда Александр Васильевич заснул, мы взяли его тужурку и пальто и нашли ему георгиевские ленточки, а утром прибыл из Ревеля миноносец службы связи, с которым «всеведущий» Непенин прислал Колчаку снятый с себя свой Георгий⁵.

